

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭЗИИ ГАЛИНЫ БУЛЫКО

Шматкова Ирина Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории белорусской литературы
Белорусского государственного университета
e-mail: i.shmatkova@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается художественный мир лирики белорусской поэтессы Галины Булыко, анализируется образно-эстетическая особенность её поэзии, определяется роль творчества Г. Булыко как оригинальной представительницы плеяды женщин-поэтесс в белорусской литературе второй половины XX в.

Ключевые слова: Галина Булыко, лирика, художественный мир, лирическая героиня, образно-эстетическая особенность.

Лирика Галины Булыко – своеобразное явление в белорусской литературе, ее поэтическое слово отличается оригинальной образностью, философской и интеллектуальной глубиной. Придя в литературу вместе с яркими представительницами созвездия женщин-поэтесс второй половины XX века, она украсила и обогатила белорусскую литературу своим творчеством.

Поэтесса оригинально и очень эффектно заявила о себе в литературе, сборник ее стихотворений «Синтез» (1986) стал открытием нового типа поэзии. Ее произведения не были похожи на стихотворения коллег ни по образному, ни по художественному содержанию; критики «классифицировали» автора как «химика и городскую поэтессу», а ее произведения – как «научную поэзию». Книга, действительно, стала синтезом конкретных ярких образов: веществ (стихотворения «Горный лен», «Лазурит», «Янтарь», «Гипс», «Свинец», «Золото», «Огонь», «Глина», «Йод» и др.), математических («Математический триптих», «Локон Аньези», «Комбинаторика», «Параллелизм» и др.), живописных (работы, посвященные полотнам Пабло Пикассо, Эдгара Дега, Роквелла Кента, Юрия Пименова) и других. Более того, все эти многогранные образы художественно неразрывно связаны, синтезированы в единую поэтическую вселенную. Как автору удастся совмещать в себе «и физика, и лирика», а точнее «и химика, и поэта»? В чем же загадка такого необычного таланта? Литературоведы неоднократно пытались проанализировать «Синтез» Галины Булыко.

Родившись в семье филологов (мать – педагог, отец – известный белорусский лингвист А. Н. Булыко), Галина Александровна с детства относилась к филологии как к неточной дисциплине, которая больше связана с впечатлением от предмета, чем с самим предметом. В своем эссе «Мир в моих координатах» автор вспомнила историю с детства, когда ее мать увидела огонь в окне через зеркало и таким образом предотвратила пожар: «Наверное, с того времени я и полюбила всякие гладкие поверхности, способные отражать – преломлять окружение. Отражения, блики не только искажают, но и расширяют мир. А еще я люблю огонь...» [2, с. 2]. Действительно, один из первых исследователей ее поэтического таланта, литературовед С. Ковалев в статье «Портрет из стекла» четко определил центральный образ ее первого разнопланового сборника «Синтез»: «Стекло в стихах Галины Булыко – знак, символ всего сложного и необычного, что находится рядом с нами и не воспринимается, не осознается из-за нашей привычки и безразличия» [9, с. 90].

Второй сборник стихотворений Г. Булыко «Турмалин» (1994) имеет название разноцветного камня, в кристаллах которого впервые обнаружено явление поляризации света (способность менять цвет в зависимости от освещения). И снова мы встречаем те же образы, что и в первой книге: вещественные (стихотворения «Вода», «Лед», «Соль земли», «Мрамор», «Слюда» и др.), живописные (стихотворения «Питер Брейгель Старший», «Джузеппе Арчимбольдо «Огонь»», «Ян Вермеер «Женский портрет в интерьере»» и др.). Но в художественном мировоззрении автора появилась новая образная система – люди разных профессий – те, кто соприкасается с такими близкими ей субстанциями, предметами – проводниками между разными вселенными, природной и человеческой (стихотворения «Ювелир», «Резчик зеркал» «Гутник», «Гончар», «Садовник», «Резьбяр», «Голосник», «Кровельщик», «Кузнец», «Каменщик» и др.). Ещё одна образная система поэтессы – координаты времени (стихотворения «Зал ожидания», «Пассажир», «Статика движения», «Мастерская часов», «Весна», «Песочные часы», «Геометрия времени», «Течение» и др.). Возникает вопрос – можно ли отнести такие стихотворения к «научной», особенно «химической» поэзии? В интервью с Л. Дранько-Мойсюк на вопрос, о чём её стихотворения, Г. Булыко ответила: «Речь идет о смертном человеке, который спорит с Творцом о бесспорном. Наше время, наше пространство, наше воздействие на окружающую среду несоизмеримо с бесконечностью сущного» [7, с. 83].

Очерчивая своё отношение к химической науке, автор вспоминает случай, когда она едва спаслась во время взрыва в химической лаборатории, после чего «навсегда потеряла любовь к химической кухне» [2, с. 4]. Таким образом, на каком-то жизненном этапе поэтессы «лирик» победил. После окончания Высших литературных курсов в Москве Г. Булыко отмечает: «Окружающее увиделось не в общих чертах, а в конкретных символах. Образы приходили из какой-то другой реальности и выявляли вечные темы. Книгу «Турмалин» не написала, а сочинила. Каждое стихотворение возникало в состоянии измененного сознания...» [2, с. 5]. Поэтесса очень точно описывает этапы возникновения произведения: от идеи через метафору до ее кристаллизации. За что некоторые исследователи поспешили определить ее поэтическое слово как рационалистическое, твердое, «в стихотворениях нет женской нежности и игривости, нет традиционного образа любимого» (Л. Дранько-Мойсюк). В ответ Г. Булыко «парирует»: «В моих поисках не больше рационализма, чем в действиях птицы, клюющей изображение грозди рябины» [7, с. 89]. Что же касается женственности и любви, то они присутствуют, собственно, в поэзии Г. Булыко (стихотворение «Чей ангел-хранитель падет»: «Не стремитесь к звездам, женщина») [4, с. 27], «Разве он обречен?», «Ожидание»: «Там женщина хватается за тень...» [4, с. 29], «Лилит», «Поэтесса» и другие. Немного позже Г. Булыко создаёт поэтический цикл «Металлобость», в котором в роли главных героинь присутствуют как известные женщины-свидетельницы истории (стихотворения «Клио», «Калипсо», «Клеопатра», «Деметра», «Евфросиния»), так и представительницы женской линии из «Семейной хроники» (стихотворения «Винченца», «Янина», «Галина», «Кристина»). Кстати, уже позже, в 2014 году, одна из исследовательниц интимной лирики белорусских поэтесс А. Брадихина довольно точно охарактеризовала особенности воплощения темы любви в «философско-интеллектуальной», «метареалистической» художественной системе Г. Булыко [1]. Хотя на вопрос автора данной статьи об отношении к гендерному разделению литературы поэтесса ответила: «Гендерное разделение может быть только в бане» [из архива автора – И. Ш.].

Поэтесса не обошла вниманием в своём творчестве и болезненную тему Чернобыля: в ее художественно-образную систему вплетен венок из полыни (стихотворение «Ветер»), ребенок пьет яд с молоком матери (стихотворение «Ночь безумна...»), а также отравленный родовой колодец (стихотворение «Болото») и другие.

Внимание читателя в произведениях поэтессы притягивает и городской пейзаж в книге «Турмалин» (стихотворения «Минский сквозняк», «Кальвария. Осень» и др.), в более позднем поэтическом цикле «Старый Минск» (2000) (стихотворения «Троицкое предместье», «Костёл», «Верхний город»). Где истоки формирования столь самобытной эстетики поэтессы?

На наш взгляд, белорусский литературовед В. Рубанов наиболее точно определил феномен таланта Г. Булыко в эссе «На острове тайны», отметив при этом особую тягу к знаниям, эрудицию и интеллект автора: «Деревенскому поэту надолго хватает поэтизм реальных, зрительных, звуковых (почти что готовых), и он более приземленный, тихий, а городской поэт, а тем более женщина, просто вынужден вознестись ввысь, в небо, в галактику, в мир абстрактной материи» [8, с. 91]. Сама поэтесса в стихотворении «Смолистый след на засохшем бревне», не отрицая сказанного, так очерчивает истоки своего таланта: «Интеллектуалы в первом поколении // Мои родители. // Мои проводники <...> Мой город рос // на подоконнике // Из разбитого в дороге осколка. // А я, // как окраинная улица: // Душа не из семян - // из черепка» [4, с. 58]. Этими строками Г. Булыко еще раз подтверждает свою причастность к белорусскому литературному процессу конца XX века, когда одним из ведущих вопросов самореализации автора было определение роли интеллигенции, проблема так называемой деревенской и городской литературы.

Поэзия Г. Булыко до сих пор манит своей загадочностью и тайной, как и личность автора. Долгое время любители и ценители белорусской литературы терялись в догадках, куда исчезло имя талантливой, выдающейся поэтессы, которая в конце 1980-х – начале 1990-х годов удивила своим поэтическим словом, почему так долго не выходят ее новые книги. А не так давно в Интернете был раскрыт секрет «многообличия» Галины Булыко [6]. Оказывается, она давно работала в жанре женского романа. Под многочисленными псевдонимами она опубликовала ряд женских романов в московских издательствах «Вагриус» и «Яуза» (Виктория Васильева «В поисках счастья», Галина Яхонтова «Сны Анастасии», «Черная роза Анастасии», Галина Шаревская «Восток любви», и Элис Фокс «Белоснежка и Чернодымка» и др.). В соавторстве с ее псевдонимными личностями издана книга: Булыко Г.А., Лисовская Е.В., Яхонтова Г.А. «Великие ученые XX века» (М.: Мартин, 1999). На вопрос о тройном авторстве последней книги она ответила просто: «Чтобы было солиднее» [из архива автора – И. Ш.]. Почему автор долго скрывалась под псевдонимами, причем разными? Возможно, она не хотела рекламировать себя как автор тогдашнего коммерческого жанра женского романа. Но ее работы в такой форме также имеют высокую художественную ценность. Может, это от странного тогда отношения к самому факту существования «женской» литературы как чего-то второстепенного? Кажется, время изменилось. Хотя сама автор не любит такое разделение на мужчин и женщин и оценивает важность литературных произведений по их качеству, но время показывает, что сегодня женское искусство набирает популярность и пользуется большим спросом у читателей, сегодня меняется отношение к самой женщине, надеюсь, меняется место женщины в обществе. Соответственно, женское искусство больше не будет автоматически считаться второстепенным только потому, что оно женское, и, действительно, будет оцениваться по его художественным достоинствам, а ведущей задачей литературоведения будет являться, как было написано ранее, «всесторонний анализ произведения с учетом всех особенностей личности автора, которые не могут быть ограничены только полом или гендером» [10, с. 364].

Галина Булыка нашла свой путь в профессиональной реализации – сегодня она главный редактор журнала, освещающего нефтегазовую тематику - так называемые «лирик» и «химик» совпали и нашли общую цель. Но, вспоминая такой чудесный поэтический дебют, та, как однажды заметила сам автор, «эзотерическая секта одержимых поклонников красивой письменности» [7, с. 86] давно ожидает её новых поэтических открытий. Более того, сама поэтесса-химик определила свой творческий путь в химической терминологии: «Загрузка - процесс - разгрузка - пауза» [2, с. 3]. Пауза – это «тёмная фаза накопления, прежде всего, эмоционального. Как однажды сказал Райнер Мария Рильке, поэзия - это опыт... Точная формула. Жизненные заботы и работа в журналистике отнимают много времени, но не дают необходимого опыта. Кроме того, много энергии идет на реакцию нейтрализации» [2, с. 6]. Но по закону развития технологического процесса фазы должны повторяться. Будем рады ожидать новой «разгрузки» и новых книг поэзии Галины Булыко!

Список литературы:

1. Браздзіхіна, А. 90-60-90 (Сучасны літаратурны працэс: на шляху да ідэалу): зб. навук.-крыт. арт. / А. В. Браздзіхіна; М-ва адукацыі РБ; Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. – 200 с.
2. Булыка, Г. Свет у маіх каардынатах: эсэ / Г. Булыка // Хатні архіў аўтара – Г. Б. – 6 с.
3. Булыка, Г. Сінтэз: вершы / Г. Булыка. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 86 с.
4. Булыка, Г. Турмалін: вершы / Г. Булыка. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 94 с.
5. Булыка, Г. Механічны сусвет: 3 нізкі вершаў “Метакаханьне”: вершы / Г. Булыка // Дзеяслоў. – 2003. - № 3. – С. 3 – 10.
6. Булыка, Г.А. // Википедия. Режим доступа: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D0%BB%D1%8B%D0%BA%D0%B0_%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0 (Дата обращения – 17.11.2020).
7. Дранько-Майсюк, Л. З табою: з Галінай Булыка гутарыць Л. Дранько-Майсюк / Л. Дранько-Майсюк // Крыніца. – 1994. – № 7. – С. 82-90.
8. Рубанаў, У. На востраве тайны: будзённае і вечнае ў паэзіі Галіны Булыка / У. Рубанаў // Крыніца. – 1994. – № 7. – С. 89-91.
9. Кавалёў, С. Партрэт шкла / С. Кавалёў // Як пакахаць ружу: літаратурна-крытычныя артыкулы пра маладую беларускую паэзію 80-х гадоў. – Мінск: Маладосць, 1989. – 110 с.
10. Шматкова, И.И. Женская поэзия как новое понятие в белорусском литературоведении / И.И. Шматкова // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. по материалам III Международной научно-практической конференции, Минск, 12–13 апреля 2018 г. / редкол.: С.Ю. Лебедев (отв. ред.) [и др.], Минск: Колорград, 2018. – С. 357–364. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725419> (Дата обращения – 17.11.2020).